

Киплинг

Мотылёк который топнул ногой

Слушай, моя деточка, слушай хорошенько; я расскажу тебе новую чудесную сказку, она совсем не похожа на мои остальные. Я расскажу тебе об этом мудром правителе, которого звали Сулейман–Бен–Дауд; это значит Соломон, сын Давида.

Об этом Сулейман–Бен–Дауде составлено триста пятьдесят пять рассказов; но моя история не из их числа. Я не стану говорить про пигалицу, которая нашла воду, или про удода, который своими крылышками защитил Сулеймана от солнечного зноя. Это не рассказ о хрустальном паркете или о рубине с большой трещиной; в сказке моей не говорится также о золотых украшениях султанши Балкис. Нет, я расскажу тебе про мотылька, который топнул ножкой.

Так слушай же, слушай хорошенечко!

Сулейман–Бен–Дауд был очень мудр, очень умен. Он понимал, что говорили звери, птицы, рыбы и насекомые. Он понимал, что говорили глубоко ушедшие в землю скалы, в то время, когда они со стоном наклонялись одна к другой, понимал он также шелест листьев, когда утренний ветер играл вершинами деревьев. Он понимал все–все, и Балкис, его главная султанша, изумительная красавица, эта султанша Балкис была почти так же умна, как он.

Сулейман–Бен–Дауд мог делать удивительные вещи. На третьем пальце своей правой руки он носил кольцо. Стоило ему повернуть этот перстень один раз вокруг пальца, духи земли и джинны появлялись из–под земли и исполняли то, что он приказывал им. Когда мудрый султан поворачивал кольцо два раза вокруг пальца, с неба слетали феи и выполняли его желание; когда он поворачивал перстень три раза вокруг пальца, сам великий Азраил с мечом и в доспехах являлся к нему в образе водоноса и рассказывал ему все, что происходит в трех великих мирах, вверху, внизу и здесь.

Между тем Сулейман не возгордился своим могуществом; он редко прибегал к своей власти, а когда это случалось, то ему это было неприятно. Однажды он задумал накормить всех животных целого мира в один день, но, когда вся пища для пира была приготовлена, из морской глубины выплыл огромный зверь, вышел на отмель и в три глотка съел весь корм, лежавший на берегу. Сулейман очень удивился и спросил:

— О, зверь, кто ты?

А зверь ему ответил:

— О, султан, желаю тебе бесконечной жизни. Я самый маленький из тридцати тысяч братьев. И живём мы все на дне моря. Мы узнали, что ты собираешься накормить зверей со всего света, и братья прислали меня узнать, когда будет готов обед.

Сулейман–Бен–Дауд удивился ещё больше и сказал:

— О, зверь, ты проглотил весь обед, который я приготовил для всех животных со всего света.

А зверь ему ответил:

— О, султан, желаю тебе вечной жизни, но неужели эту безделицу ты называешь обедом? Там, откуда я пришёл, мы в виде закуски едим вдвое больше того, что я проглотил здесь.

Сулейман пал ниц и сказал:

— О, зверь! Я собирался дать этот обед, надеясь показать, какой я могучий и богатый властитель, а совсем не потому, что мне действительно хотелось быть добрым к животным. Ты пристыдил меня, и я заслужил это.

Сулейман–Бен–Дауд был истинно мудрый человек, моя любимая. После этого случая он уже не забывал, как глупо тщеславиться и хвастаться. Только это была присказка, а теперь начинается настоящая сказка.

У султана было много–много жён, девятьсот девяносто девять, не считая очаровательной главной султанши, Балкис. Они жили в большом золотом дворце, а дворец этот стоял в прелестном саду с красивыми фонтанами. В сущности, Сулейману совсем не было приятно, что у него столько султанш, но в те дни у каждого богатого господина было много жён, и, понятно, султану нужно было ввести в свой дом побольше султанш, чтобы показать, как он важен и как богат.

Многие его жены были красивы и приветливы; некоторые же прямо ужасны. Уродливые ссорились с красивыми, те тоже становились раздражительными и злыми. И все они ссорились с султаном, а это ужасно надоедало ему. Только Балкис, красавица Балкис, никогда не ссорилась с Сулейманом. Она слишком любила его. Балкис сидела в своей комнате в золотом дворце, гуляла по дворцовому саду и очень жалела, что у Сулеймана так много семейных неприятностей.

Понятно, если бы мудрый правитель повернул кольцо на своём пальце, призвал джиннов и других духов, они, конечно, превратили бы его девятьсот девяносто девять сердитых жён в белых мулов пустыни, в борзых собак или зёрна граната; но султан Сулейман считал, что это было бы хвастовством. И когда его жены слишком кричали и сердились, он уходил подальше, в глубину своего чудесного дворцового сада, и жалел, что родился на свет.

Однажды, после того как ссоры сварливых жён великого мудреца не прекращались три недели, и все это время девятьсот девяносто девять султанш кричали и сердились, Сулейман–Бен–Дауд, по обыкновению, ушёл в свой сад.

В апельсиновой роще он встретил красавицу султаншу Балкис; она была очень печальна, зная, что Сулейман огорчён. Балкис посмотрела на него и сказала:

— О, господин мой и свет моих очей, поверни кольцо на своём пальце и покажи владычицам Египта, Месопотамии, Персии и Китая, что ты великий и страшный султан.

Но Сулейман–Бен–Дауд, покачав головой, ответил:

— О, моя госпожа и радость моей жизни, вспомни зверя, вышедшего из моря! Он пристыдил меня перед всеми животными за моё тщеславие и за мою гордость. Теперь, если бы я возгордился перед султаншами Персии, Египта, Месопотамии и Китая только потому, что они мне надоедают, я, может быть, был бы посрамлён ещё больше, чем в тот раз.

А прекрасная Балкис спросила:

— О, мой господин и сокровище души моей, как же ты поступишь?

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

Сулейман–Бен–Дауд ответил:

— О, моя госпожа и радость моего сердца, я подчинюсь своей судьбе, которую держат в руках девятьсот девяносто девять султанш, надоедающих мне своими беспрерывными ссорами.

И султан пошёл дальше, пробираясь между лилиями, мимозами, розами и тюльпанами, между имбирными кустами, распространяющими сильное благоухание, и, наконец, пришёл к большому камфарному дереву, которое называлось камфарным деревом Сулеймана–Бен–Дауда. Балкис же спряталась среди высоких ирисов, пёстрых бамбуков и красных лилий, окружавших камфарное дерево, чтобы остаться близ своего любимого супруга, султана Сулеймана.

Вот под дерево прилетели две бабочки; они ссорились.

Сулейман–Бен–Дауд услышал, что пёстрый мотылёк сказал своей спутнице:

— Удивляюсь, как ты дерзка! Не смей таким образом говорить со мной! Разве ты не знаешь, что стоит мне топнуть ногой, и дворец султана Сулеймана с садом тотчас же с грохотом исчезнет?

Услышав это, Сулейман–Бен–Дауд позабыл о своих девятистах девяносто девяти надоедливых жёнах и засмеялся, засмеялся так, что камфарное дерево затряслось. Его рассмешило хвастовство мотылька. Он поманил его пальцем, сказав:

— Поди–ка сюда, ты, малыш!

Мотылёк страшно испугался, но подлетел к руке Сулеймана и вцепился лапками в его палец, обмахивая себя крылышками. Султан наклонил голову и тихо–тихо прошептал:

— Маленький мотылёк, ведь ты знаешь, что, как бы ты ни топал ножками, тебе не удастся согнуть и былинки. Что же заставило тебя сказать такую ложь своей жене? Потому что эта бабочка, без сомнения, твоя жена?

Мотылёк посмотрел на Сулеймана, увидел, что глаза мудрого султана мерцают, как звезды в морозную ночь, взял своё мужество в оба крылышка, наклонил маленькую голову и ответил:

— О, султан, живи долго и счастливо! Эта бабочка действительно моя жена, а ты сам знаешь, что за существа эти жены.

Султан Сулейман улыбнулся в бороду и ответил:

— Да, я это знаю, мой маленький брат.

— Так или иначе, приходится держать их в повиновении, — ответил мотылёк, — а моя жена целое утро ссорится со мной. Я солгал ей, чтобы её хоть как–нибудь уgomонить.

Сулейман–Бен–Дауд заметил:

— Желая тебе, чтобы она успокоилась. Вернись же к ней и дай мне послушать ваш разговор.

Мотылёк порхнул к своей жене, которая, сидя на листе дерева, вся трепетала, и сказал ей:

— Он слышал тебя. Сам султан Сулейман–Бен–Дауд слышал, что ты говорила.

— Слышал? — ответила бабочка. — Так что же? Я и говорила, чтобы он слышал. А что же он сказал? О, что сказал он?

— Ну, — ответил мотылёк, с важностью обмахивая себя крылышками, — говоря между нами, дорогая, я не могу порицать его, так как его дворец и сад, конечно, стоили дорого; да к тому же и апельсины начинают созревать... Он просил меня не топать ногой, и я обещал не делать этого.

— Что за ужас! — сказала бабочка и притихла.

Сулейман же засмеялся; он до слез хохотал над бессовестным маленьким негодным мотыльком.

Балкис, красавица султанша, стояла за деревом, окружённая красными лилиями, и улыбалась про себя; она слышала все эти разговоры и шептала:

— Если я задумала действительно умную вещь, мне удастся спасти моего повелителя от преследований несносных султанш.

Она протянула палец и нежно–нежно шепнула бабочке–жене:

— Маленькая женщина, лети сюда.

Бабочка вспорхнула; ей было очень страшно, и она приникла к белому пальчику султанши.

А Балкис наклонила свою очаровательную голову и тихо сказала:

— Маленькая женщина, веришь ли ты тому, что только что сказал твой муж?

Жена мотылька посмотрела на Балкис и увидела, что глаза красавицы султанши блестят, как глубокие пруды, в которых отражается звёздный свет, собрала обоими крылышками всю свою храбрость и ответила:

— О, султанша, будь вечно здорова и прекрасна! Ты ведь знаешь, что за существа мужья!

А султанша Балкис, мудрая Балкис Савская, поднесла руку к своим губам, чтобы скрыть игравшую на них улыбку, и снова прошептала:

— Да, сестричка, знаю; хорошо знаю.

— Мужья сердятся, — сказала бабочка, быстро обмахиваясь крылышками, — сердятся из–за пустяков, и нам приходится угождать им, о, султанша. Они не думают и половины того, что говорят. Если моему мужу хочется воображать, будто я верю, что, топнув ногой, он может разрушить дворец султана Сулеймана, пусть; я притворюсь, что я верю. Завтра он забудет обо всем этом.

— Маленькая сестричка, — сказала Балкис, — ты права, но когда в следующий раз он примется хвастать, поймай его на слове. Попроси его топнуть ногой и посмотри, что будет дальше. Ведь мы–то с тобой отлично знаем, каковы мужья. Ты его пристыдишь, пристыдишь сильно.

Бабочка улетела к своему мужу, и через пять минут у них закипела новая ссора.

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

— Помни, — сказал жене мотылёк. — Помни, что случится, если я топну ногой!

— Я не верю тебе! — ответила бабочка. — Пожалуйста, топни, я хочу посмотреть, что будет! Ну, топай же ногой!

— Я обещал султану Сулейману не делать этого, — ответил мотылёк, — и не желаю нарушать моего обещания.

— Какой вздор. Если ты топнешь ногой, ничего не случится, — сказала бабочка-жена. — Топай сколько хочешь; ты не согнёшь ни одной травинки. Ну-ка, попробуй! Топай, топай, топай!

Сулейман-Бен-Дауд сидел под камфарным деревом, слышал разговор мотылька и его жены и смеялся так, как никогда ещё не смеялся в жизни. Он забыл о своих султаншах; забыл о звере, который вышел из моря; он забыл о тщеславии и хвастовстве. Он хохотал просто потому, что ему было весело, а Балкис, стоявшая с другой стороны дерева, улыбалась, радуясь, что её любимому мужу так весело.

Вот разгорячённый и надутый мотылёк порхнул в тень камфарного дерева и сказал Сулейману:

— Она требует, чтобы я топнул ногой. Она хочет видеть, что случится, о, Сулейман-Бен-Дауд. Ты знаешь, что я не могу этого сделать; и теперь она уже никогда не поверит ни одному моему слову и до конца моих дней будет насмехаться надо мной!

— Нет, маленький братик, — ответил Сулейман-Бен-Дауд, — твоя жена никогда больше не станет над тобой насмехаться. — И он повернул своё кольцо на пальце, повернул ради маленького мотылька, а совсем не для того, чтобы похвастаться своим могуществом. И что же? Из земли вышли четыре сильных джинна.

— Рабы, — сказал им Сулейман-Бен-Дауд, — когда вот этот господин, сидящий на моем пальце (действительно, на его пальце по-прежнему сидел дерзкий мотылёк), топнет своей левой передней ногой, вызовите раскаты грома и под этот шум унесите мой дворец с садом. Когда он снова топнет, осторожно принесите их назад.

— Теперь, маленький брат, — сказал он мотыльку, — вернись к своей жене и топни ножкой, да посильнее!

Мотылёк полетел к своей жене, которая продолжала кричать:

— Ну-ка, посмей топнуть! Топни ногой! Топни же, топни!

Балкис увидела, как джинны наклонились к четырём углам сада, окружавшего дворец, весело захлопала в ладоши и прошептала:

— Наконец-то Сулейман-Бен-Дауд сделает для мотылька то, что он давно должен был бы сделать для самого себя! О, сердитые султанши испугаются!

И вот мотылёк топнул ногой. Джинны подняли дворец и сад в воздух на тысячу миль. Раздался страшный раскат грома, и все окутал мрак, чёрный как чернила.

Здесь нарисовано, как четверо джиннов с белыми крыльями, как у чаек, поднимают дворец султана Сулеймана в ту самую минутку, когда мотылёк топнул ногой. Дворец, все окружавшие его сады и все поднялось в одном куске, как доска, а на том месте, где они помещались, осталась огромная впадина, полная пыли и дыма. Если ты хорошенько посмотришь в угол, то около предмета, похожего на льва, разглядишь Сулеймана-Бен-Дауда с его волшебным жезлом, а около него двух бабочек. Вещь, похожая на льва, действительно лев, высеченный из камня; штука, похожая на молочный кувшин, на самом деле — храм, или дом, или ещё что-нибудь в этом же роде. Сулейман-Бен-Дауд отошёл в сторону, чтобы избавиться от пыли и дыма, когда джинны подняли дворец и все остальное. Как звали джиннов, я не знаю. Они были слугами волшебного кольца султана Сулеймана и менялись чуть не каждый день. Это были самые обыкновенные джинны, летавшие на крыльях чаек.

Внизу нарисован добрый джинн по имени Акрег. Он по три раза в день кормил всех маленьких рыбок в море, и у него были крылья из чистой меди. Я нарисовал его, чтобы показать, каковы бывают добрые джинны. Он не поднимал на воздух дворца, так как в это время кормил рыбок в Аравийском море.

Бабочка билась в темноте и кричала:

— О, я буду добрая! Мне так жаль, что я глупо говорила! Только верни на место сад, мой дорогой, милый муж, и я никогда больше не буду с тобой спорить!

Мотылёк испугался не меньше своей жены, а Сулейман так хохотал, что прошло несколько минут, прежде чем он смог шепнуть мотыльку:

— Топни снова, Маленький Братец. Верни мне обратно мой дворец, о, великий и сильный волшебник!

— Да, да, верни ему его дворец! — прошептала бабочка-жена, по-прежнему бившаяся в темноте, как её ночные сестры. — Верни ему дворец, и, пожалуйста, довольно этого ужасного колдовства!

— Хорошо, дорогая, — ответил ей мотылёк, стараясь придать своему голосу твёрдость. — Ты видишь, что вышло из-за твоих капризов? Конечно, мне все это безразлично; ведь я-то привык к подобным вещам, но из любви к тебе и к султану Сулейману я согласен привести все в порядок.

Итак, он снова топнул ногой, и в то же мгновение джинны опустили дворец и сад, да так осторожно, что даже не колыхнули их. Солнце освещало темно-зеленые листья апельсиновых деревьев; фонтаны били среди розовых египетских лилий; птицы пели, а бабочка-жена лежала на боку под камфарным деревом, трепетала крылышками и, задышавшись, говорила:

— О, я буду послушна, я буду уступчива!..

Султан же так смеялся, что не мог говорить. Он откинулся назад, изнемогая от смеха, несколько раз икнул, наконец, погрозил пальцем мотыльку, сказав:

— О, великий волшебник, ну зачем ты вернул мне мой дворец, раз в то же самое время заставляешь меня умереть от смеха?

Вдруг послышался страшный шум; все девятьсот девяносто девять султанш с криком и визгом выбежали из дворца и принялись звать своих детей. Они спускались по большим мраморным ступеням мимо фонтанов, потом выстроились по сто в ряд и остановились; умная Балкис подошла к ним и сказала:

— Что с вами, о, султанши?

Они стояли на мраморной лестнице по сто в ряд и ответили:

— Ты спрашиваешь, что с нами случилось? Мы, по обыкновению, жили мирно в нашем дворце; вдруг он исчез, и мы остались посреди густой тьмы, что-то шумело, гремело, и в темноте мимо нас пролетали джинны и духи земли. Вот что нас взволновало, о, главная султанша, и мы очень напуганы этим; это был страшный испуг, и он не походил ни на что прежнее.

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

Тогда Балкис, красавица султанша, любимая жена Сулеймана–Бен–Дауда, прежняя правительница Савская, пришедшая через золотоносные реки юга из пустыни Цинна к башням Зимоабве, Балкис, почти такая же мудрая, как мудрейший в мире султан Сулейман–Бен–Дауд, ответила:

— Все это пустяки, о, султанши. Мотылёк пожаловался на свою жену, которая с ним ссорилась, и наш повелитель Сулейман–Бен–Дауд пожелал преподать ей урок смирения и послушания, потому что то и другое считается добродетелью среди жён мотыльков.

Ей ответила дочь фараона, султанша Египта, сказав:

— Я не верю, чтобы можно было поднять наш дворец, как маленькую поросль, ради ничтожного насекомого. Нет, конечно, Сулейман–Бен–Дауд умер. Раздались страшные звуки и замелькали страшные картины, потому что земля загремела и свет померк от известия о его кончине.

Балкис поманила рукой эту гордую султаншу, не глядя на неё, и сказала ей и всем остальным жёнам Сулеймана:

— Пойдите и посмотрите.

Они спустились с мраморной лестницы, по–прежнему, по сто в ряд, и увидели, что под камфарным деревом сидит премудрый султан Сулейман–Бен–Дауд, все ещё не оправившийся от слабости после припадка смеха; что он покачивается взад и вперёд и что на каждой его руке сидит по бабочке; султанши также услышали, как он говорил:

— О, жена моего братика, летающего в воздухе, теперь после всего, что случилось, помни: во всем угождай своему мужу, чтобы он снова не вздумал топнуть ногой; он сказал, что привык к этому великому волшебству, и сам он великий волшебник, колдун, который может унести дворец Сулеймана–Бен–Дауда. Летите с миром, мои крошки! — Он поцеловал крылышки мотылька и бабочки, и они улетели.

Тогда все султанши, кроме Балкис, прекрасной и великолепной Балкис, которая стояла в сторонке и улыбалась, пали ниц, сказав:

— Если ради мотылька, недовольного своей женой, совершаются такие чудеса, что же будет с нами, рассердившими нашего султана своими вечными ссорами, криком и недовольством!

Потом они поднялись, опустили на лица покрывала, прижали руки к губам и тихо, как мышки, на цыпочках двинулись к дворцу.

А Балкис, прекрасная и восхитительная Балкис, прошла между красными лилиями в тень камфарного дерева, положила свою белую руку на плечо Сулеймана–Бен–Дауда и сказала:

— О, мой господин и сокровище души моей! Радуйся, мы преподали великий и памятный урок султаншам Египта, Эфиопии, Абиссинии, Персии, Индии и Китая!

Сулейман–Бен–Дауд, все ещё следивший взглядом за мотыльком и бабочкой, игравшими в луче солнца, ответил:

— О, моя госпожа и драгоценность моего счастья, когда же это случилось? Ведь с той минуты, как я пришёл в сад, я шутил с мотыльком, — и он рассказал Балкис все как было.

Балкис, нежная и прелестная Балкис, сказала:

— О, мой повелитель и господин моей жизни, я пряталась за стволом камфарного дерева и все видела. Именно я посоветовала жене мотылька попросить его топнуть ногой, так как надеялась, что ради шутки мой повелитель сотворит великое волшебство, и что султанши испугаются. — После этого Балкис рассказала Сулейману, что ей сказали султанши, что они видели и что думали.

Сулейман–Бен–Дауд поднялся со своего места и, протянув к ней руки, радостно сказал:

— О, моя госпожа и сладость дней моих, знай, что, если бы я совершил волшебство, направленное против моих султанш, и действовал из тщеславия или гнева, как тогда, готовя пир для всех животных, я, вероятно, был бы посрамлён. Но ты своей мудростью заставила меня прибегнуть к волшебству ради шутки и на пользу маленькому мотыльку, и что же случилось? Моё волшебство избавило меня от досады на моих несносных жён. Поэтому скажи мне, о, госпожа и сердце моего сердца, что сделало тебя такой мудрой?

Балкис, великая султанша, прекрасная собой и статная, заглянула в глаза Сулеймана–Бен–Дауда, немного наклонила головку набок, точь–в–точь как это сделала маленькая бабочка, и сказала:

— Во–первых, о, мой повелитель, моя горячая любовь к тебе; во–вторых, о, мой господин, знание женского сердца.

После этого они пошли во дворец и с тех пор жили счастливо.

Но, скажи, моя милая деточка, разве не умно поступила султанша Балкис?

Альтернативный перевод:

1. Как мотылек топнул